

В ПАРИЖСКОЙ КВАРТИРЕ БУНИНЫХ

Сообщение Т. П. Головановой и Л. Н. Назаровой

В октябре—ноябре 1960 г. Париж переживал тревожные дни. Волновались алжирцы, требовавшие независимости, — на улицах города то там, то здесь возникали стычки с полицейскими, кто-то в кого-то стрелял, все смешалось — манифестации правых, манифестации левых... Шла неделя Алжира. Волновались рабочие, студенты. Сорбонна была оцеплена плотным кольцом ажанов. Попасты в Латинский квартал, в район Сен-Дени, на площадь Сталинграда было почти невозможно.

В эти тревожные дни мы и посетили Париж в составе небольшой группы сотрудников Академии наук СССР. В посольстве нас предупредили о необходимости соблюдать осторожность, не появляться в районе беспорядков. Общение с парижанами таким образом было ограничено. Тем сильнее и ярче запомнились те встречи, которые все-таки произошли.

Тихий квартал города, скромная квартира на пятом этаже дома № 1 по улице Жака Оффенбаха. Нас встречает вдова писателя Вера Николаевна Бунина, его спутница с 1907 г., автор книги «Жизнь Бунина», обладательница богатейшего бунинского архива...

Это то, что мы о ней знали, отправляясь из Советского Союза, что влекло в ее дом, вызывало живейший интерес к ней самой. Знали мы и то, что Вера Николаевна переписывается с советскими литературоведами, которым сообщает интересные малоизвестные факты литературной жизни начала века, что она передала в литературные архивы СССР ценные автографы произведений Бунина, его письма, редкие издания сочинений.

Некоторое предварительное представление о Вере Николаевне дали нам также, возбудив несомненную симпатию к ней, хранящиеся в наших музеях фотографии, где запечатлена Верочка Муромцева. Взглянешь — и кажется, что за этим изображением, как бы комментируя его, зазвучат слова Б. К. Зайцева, давнего знакомого Веры Николаевны: это была «очень красивая девушка с огромными светло прозрачными, как бы хрустальными глазами, нежным цветом несколько бледного лица, <...> неторопливая и основательная»¹.

Мы везли эти фотографии с собой в Париж, в подарок Вере Николаевне. Легко сказать, в подарок. Для этого нужно было встретиться. А обстоятельства встречи нас беспокоили. В посольстве нам сказали: «Хотите видеть Веру Николаевну? Попробуйте. Но предупреждаем: у нее были неприятности из-за общения с соотечественниками: анонимные угрозы, травля по телефону... Захочет ли она снова подвергать себя опасности?»

Вера Николаевна захотела нас видеть. И вот — она нас встречает в дверях своей квартиры, высокая и статная, несмотря на преклонный возраст, женщина с седыми, коротко подстриженными волосами. Встреча была не только приветливой, — она была радостной и сердечной.

Мы прошли в столовую, уселись за небольшой круглый стол. Первое, что бросилось в глаза, — на столе большая коробка конфет с хорошо знакомым рисунком «Руслан и Людмила». На наш немой вопрос Вера Николаевна ответила, что это — подарок Валентина Катаева. «Он с женой был у нас на днях, — добавила она. — Это ведь давнее знакомство, еще с десятых годов нашего века...»

Теперь, когда мы знаем, что написал Катаев о Буниных в воспоминаниях, названных им «Трава забвенья», не трудно представить себе, что встреча Веры Николаевны

с автором этих воспоминаний была волнующе сложной, богатой оттенками различных чувств. И все-таки, если судить по потеплевшему взгляду Веры Николаевны, когда она упомянула о посещении Катаева, в основной своей тональности встреча с ним была приятной, согретой благодарностью за Ивана Алексеевича, о котором автор воспоминаний мог сказать: «я продолжал его страстно любить. Не хочу прибавлять: как художника. Я любил его полностью, и как человека, как личность тоже»².

Уже в первом разговоре проявились душевная щедрость и обаяние Веры Николаевны. Во всем ее облике, в манере держаться и разговаривать явственно сказывались какие-то очень русские свойства ума и характера. Да, именно русские, несмотря на долгие годы, проведенные вдали от родины... Русское гостеприимство проявилось и в стремлении приветить нас, усадить поудобнее, душевно поговорить и, конечно, угостить чайком, хоть, видно, это было и непростое дело — угостить: так наглядно проступала нужда во всем, чего касался глаз. Вера Николаевна и не скрывала этого: пенсии, на которую они жили вместе с Л. Ф. Зуровым, не хватало, проблемой были даже почтовые марки для переписки с друзьями.

Вскоре за чашкой чая завязалась непринужденная, чуть сумбурная, но захватывающе интересная беседа — одна из тех бесед, которые на всю жизнь остаются в памяти. При всей пестроте тем — что в Ленинграде? что в Ясной Поляне? что в Париже? — было? как теперь? — лейтмотивом одно настроение: невозвратимость утраты родины.

По рассказам Веры Николаевны, особенно остро ощутилась боль разлуки с родиной во время войны. Тогда и обострились отношения в эмигрантских кругах: в порабощенной Франции нашлись «соотечественники», которые приветствовали Гитлера. Бунины перестали подавать им руку.

В. Антонов в воспоминаниях «И. А. Бунин во Франции в годы войны» писал: «Пользуясь очень тяжелым материальным положением Буниных, прогерманские газеты наперебой предлагали ему сотрудничество, суля „золотые горы“⁴. Но все их попытки оказались тщетными. Русский писатель не уронил и не запятал себя. Бунин доходил до обмороков от голода, но не сдавался и не шел ни на какие компромиссы»³.

Вера Николаевна находит старые фотографии. Увлеченные ее воспоминаниями, мы начинаем листать увесистый альбом фотографий, запечатлевших почти всю жизнь Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. Альбом отражает удивительную дружбу этих двух людей, начавшуюся в ноябре 1906 г. в доме Б. К. и В. А. Зайцевых и пронесенную через многие годы, через мытарства и невзгоды, иногда через нищету; дружбу, связывавшую их и в быту, и в работе, и в славе, в надеждах и отчаянии — до смерти. Как хорошо говорит об этом сам Бунин в рассказе «Роза Иерихона», вспоминая о своем путешествии с Верой Николаевной на Восток: «... утешаюсь и я, воскресая в себе те светозонные древние страны, где некогда ступала и моя нога, те восточные дни, когда на полудне стояло солнце моей жизни, когда в цвете сил и надежд, рука об руку с той, кому бог судил быть моей спутницей до гроба, совершал я свое первое дальнее странствие, брачное путешествие...»⁴

Вот они предстают перед нами на фотографиях, совсем молодые, то дома, на лоне родной природы, то в поездках среди товарищей и писателей; какие у них еще безмятежные, не знающие горя лица... А вот и Одесса, незадолго до расставания с родными берегами. Иван Алексеевич, как всегда, строг, подтянут, непроницаем. Веру Николаевну удачно описал Катаев, в ее одесский период, — «молодую, красивую женщину — не даму, а именно женщину, — высокую, с лицом камен, гладко причесанную блондинку с узлом волос, сползающих на шею, голубоглазую, даже, вернее голубоокою, одетую, как курсистка, московскую неяркую красавицу из <...> интеллигентной профессорской среды...»⁵.

Под одной из фотографий — уже на корабле — подпись: «Бегство от большевиков». — «Посмотрите, какое тут скорбное лицо у Бунина, — сказала нам Вера Николаевна, — и как он сразу постарел, какие трагические морщины залегли на всю жизнь на этом лице!»

На многих фотографиях — виды Грасса, виллы «Бельведер», Б. К. Зайцев, бывший здесь у Буниных и запечатленный на некоторых фотографиях, пишет о ней: «Вилла была двухэтажная. Внизу столовая и довольно большой кабинет Ивана Алек-

сеевича. Там сидел он за столом, заваленным писаниями его. Наверху, над ним, большая комната Веры, где она тоже усердно записывала что-то (конечно, об Иване, как некий Эккерман)»⁶.

В Грассе Бунин напряженно работал. Вот фотография, изображающая его за письменным столом. 15 июля 1927 г., сообщая В. А. Зайцевой о том, что Иван Алексеевич «занят большой вещью» и «работает до полного изнеможения», В. Н. Бунина добавляла: «Я всегда настороже, чтобы переписать ему». И через два дня снова писала ей, что Бунин «ничего не видит, ничего не слышит, целый день, не отрываясь, пишет <...>, иногда мне одной читает написанное — это у него „большая честь“»⁷.

Нет возможности коснуться всего, о чем могли бы поведать страницы вместилильного альбома Буниных, — они листались перед нами поспешно, в темпе порывистой речи и летящих по неумовимой для нас логике воспоминаний Веры Николаевны. Альбом был бы чрезвычайно интересен для тех, кто задался целью проследить шаг за шагом жизнь Бунина в его семейном и литературном окружении, — да и подписи, которыми сопровождаются фотографии, — то лирические, то шуточные, то ядовитые, сделанные рукой самого Бунина, представляют самостоятельный интерес — дневниковый и литературный.

Одну из фотографий писателя Вера Николаевна передала в дар Литературному музею Пушкинского Дома. На ней, помимо дарственной надписи («В музей Пушкинского дома. В. Бунина»), имеется также автограф: «Ялта, дача Чехова в Аутке. Его кабинет. Я с ним. Ив. Бунин. 1902 г.»⁸

На другой фотографии, запечатлевшей писателя в молодые годы, Вера Николаевна на обороте сделала такую надпись: «Посылаю фотографию Ивана Алексеевича, снятую в орловский период его жизни, в музей города Орла. Париж, 31 октября 1960 г. В. Бунина». Эта фотография также с автографом писателя: «Ив. Бунин».

Обратили мы внимание и еще на одну фотографию, стоявшую на письменном столе, — на ней мы узнали черты хорошо нам знакомого чудесного человека — писателя Ивана Сергеевича Соколова-Микитова, сфотографированного вместе с К. А. Фединим. Вера Николаевна с большой теплотой отзывалась об Иване Сергеевиче⁹.

Вера Николаевна показала нам бережно сохранявшийся ею уголок Бунина в одной из двух комнат их квартиры: постель, на которой умер писатель, полку с его любимыми книгами, портрет Льва Толстого (карандашный рисунок — дар его сына Л. Л. Толстого), портрет Рахманинова, табакерку с листками папиросной бумаги, на которых Бунин записывал свои мысли, делал литературные наброски в последние дни жизни.

Бунин скончался в Париже 8 ноября 1953 г. в возрасте 83 лет, на руках Веры Николаевны. И опять перед нами фотография — каменный крест на кладбище...

Мы провели в квартире Бунина несколько часов. Время летело незаметно, темы для разговоров казались неисчерпаемыми.

Естественным завершением вечера воспоминаний о Бунине был наш вопрос: «Вера Николаевна, не собираетесь ли вы возвратиться домой, на родину?» — и ее ответ: «А как же я здесь его одного оставлю?»

Мы уходили от В. Н. Буниной, глубоко взволнованные встречей с этим обаятельным и скромным человеком, никак не ожидая, что были, вероятно, ее последними посетителями с далекой, но столь дорогой для нее родины...

Она стала часто болеть, слабела не по дням, а по часам. Мы переписывались, старались помочь, чем могли — словом участия, посылками интересующих ее статей и книг. Однажды послали с кем-то из отъезжающих буханку ржаного хлеба. Нам рассказывали потом, что этот хлеб русские друзья Веры Николаевны в Париже разрезали на кусочки, принимали его «как причастие». Мы хлопотали и об увеличении пенсии Вере Николаевне, обратились с письмом о положении вдовы Бунина в Союз писателей и, к большой нашей радости, получили оттуда ответ — письмо от 4 марта 1961 г., подписанное секретарем Правления Союза писателей СССР К. В. Воронковым.

ПАРИЖСКАЯ КВАРТИРА БУНИНА
Уголок столовой; в глубине комната Бунина
Фотография, 1961
Парижский архив Бунина

ПАРИЖСКАЯ КВАРТИРА БУНИНА
Комната Бунина. Здесь он умер.
Фотография, 1961
Парижский архив Бунина

В письме сообщалось: «Союз писателей подробно извещен о жизни Веры Николаевны. Представители Союза писателей за последние годы неоднократно навещали ее. По нашей просьбе Правительство Советского Союза установило В. Н. Муромцевой-Буниной пенсию, а в феврале текущего года эта пенсия была увеличена почти вдвое».

Мы поспешили поделиться этим радостным известием с Верой Николаевной. Л. Ф. Зуров позднее писал нам: «Я прочел Вере Николаевне письмо Людмилы Николаевны <Назаровой>, обрадовал ее, она улыбнулась».

Известия, приходившие из Парижа о здоровье Веры Николаевны, были все более и более тревожны...

Вера Николаевна Бунина скончалась 3 апреля 1961 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борис З а й ц е в. Повесть о Вере (1967).

² «Новый мир», 1967, № 3, стр. 52.

³ «Иностранная литература», 1956, № 9, стр. 251.

⁴ Б у н и н. Собр. соч. 1965—1967, т. 5, стр. 7—8.

⁵ «Новый мир», 1967, № 3, стр. 23.

⁶ Борис З а й ц е в. Давнее (1964).

⁷ Борис З а й ц е в. Повесть о Вере.

⁸ Аналогичная фотография воспроизведена в «Лит. наследстве», т. 68, стр. 642—643.

⁹ Три письма В. Н. Буниной к И. С. Соколову-Микитову опубликованы в его статье «Бунин» (раздел «Давние встречи»).— И. С о к о л о в - М и к и т о в. Собр. соч. в четырех томах, т. 4. М.—Л., 1966, стр. 468—472.